

Моск камерно-оперн. - 2003 - 22 апреля - с 3

— Ты был актером Театра эстрады. Как ты попал в Центр драматургии и режиссуры?

— После того как временно закрыли спектакль "Прощай, Марлен, здравствуй", где я играл всех любовников Марлен, меня познакомили с Алексеем Казанцевым. Сначала появилась маленькая работа в спектакле "Венецианская ночь", потом меня позвал к себе Кирилл Серебрянников в "Пластилин".

— На "Пластилин" актеры проходили жесткий кастинг. Тебя это коснулось?

— По поводу кастинга ничего не знаю. Кирилл посмотрел мой спектакль и предложил прочитать пьесу. Сначала я подумал, что он сошел с ума, потому что этот перестроечный материал ставить было невозможно. Кирилл ответил: "Не волнуйся, все будет супер. Ты будешь играть жениха". Когда я увидел, что у жениха всего две реплики: "Ну что, сучок, с тобой делать будем?" и "Стоять, муден!", я сказал: "Кирилл, как это играть?" Потом он из этого построил сцену — теперь ко мне часто подходят люди и говорят: таких женихов, как вы, мы видели там-то и там-то.

— Серебрянников первый, кто предложил написать тебе музыку к спектаклю?

— Впервые написать музыку мне предложила Нина Чусова к спектаклю "Шинель". Потом я делал музыку к "Севильскому цирюльнику", идущему сейчас в РАМТе. Когда я знаю, что музыка должна быть для чего-то, мне совершенно по-другому работает. Мне нравится писать музыку для спектаклей, потому что я прежде всего актер и понимаю режиссера. Многие композиторы пишут самодостаточную музыку, а я считаю, что в драматическом спектакле музыка должна помогать актеру. Если люди говорят, что они не запомнили в спектакле музыку, — это большая победа. Значит, спектакль и музыка настолько органично сплетены, что не мешают друг другу.

— Давно тебя увлекает музыка?

— Раньше я профессионально занимался дзюдо. Когда ушел из спорта, случайно попал в фольклорную студию. С 12 лет ездю по экспедициям, собираю этническую музыку и инструменты. 10 лет подряд посещал одну и ту же деревню, где изучал традиции, собирал песни и учился у деда-пастуха Егора играть на настоящем рожке. Это первый инструмент, который я взял в руки.

— Где ты достаешь свои уникальные инструменты?

— Что-то привозил из экспедиций, потом стал общаться с музыкантами из Германии, Анг-

Синтетический ПАНКОВ

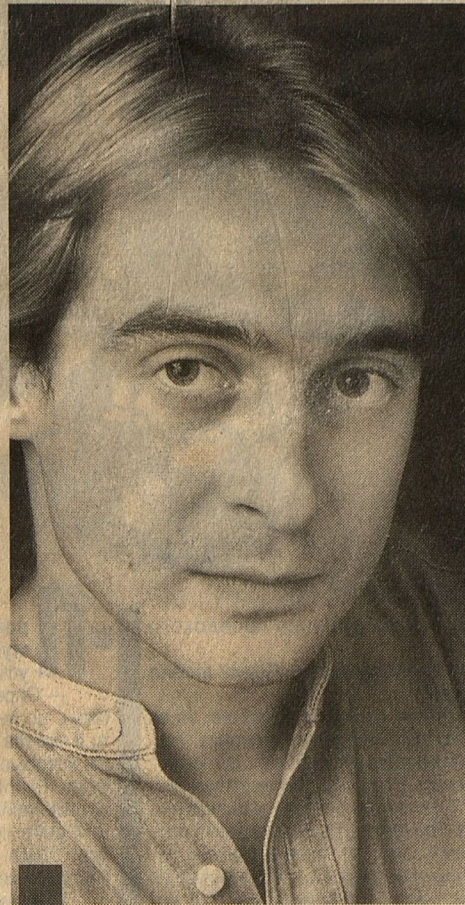
Он пишет музыку, но просит не называть его композитором. Он ставит спектакли, но просит не называть его режиссером. Правда, от звания "актер" он пока не отказывается. С Владимиром Панковым встретилась Катя САХАРОВА.

лии. Во Франции познакомился с известным музыкантом Хорхе Мильшбергом, который написал "Полет кондора". Однажды я попал к нему в студию, мы попили чайку и решили записывать совместный проект. После чего он мне подарил чирангу. Если мне нравится инструмент, я как сумасшедший отдаю все деньги, но его куплю.

Я всегда прошу писать, что я не композитор. Будет честнее сказать — в спектакле звучит музыка Владимира Панкова. Композитор — это человек, который получил образование. У меня нет за плечами музыкальной школы, я плохо знаю ноты. Свое произведение я сыграю на любом инструменте, но, если мне дадут конкретные ноты, не смогу. Я честно об этом говорю. Мне говорят: напиши мюзикл. Я не буду, потому что надо знать, как это делать. Там выступают другие законы, появляется драматургия.

— В спектакле "Ощущение бороды" ты выполняешь головокружительный трюк — падаешь в коробки с пятиметровой высоты вниз головой, без страховки.

— Со мной работал каскадер Юра Сысов. Он пришел и сказал: "Значит так, ты залезаешь туда и падаешь вниз". Я не понимал, как это возможно, но потом Юра учил меня падать с одной высоты, мы поднимались все выше. На гастролях в Питере я летел с семи метров. Это не больно, падаешь в коробки, как будто в пух. Я люблю экстрим и считаю, что себя нужно бросать в разные обстоятельства. Мне нравятся люди, которые не боятся поменять себя на 180 градусов.

Владимир Панков, актер. Окончил ГИТИС, курс Олега Кудряшова. Работал в Театре эстрады, где сыграл в спектакле "Прощай, Марлен, здравствуй!". Занят в спектаклях Центра драматургии и режиссуры под руководством Казанцева и Рощина: "Венецианская ночь", "Пластилин", "Ощущение бороды", "Облом off". Как режиссер выпустил музыкальный спектакль "Красная нить". В Театре наций играет в постановке "Белый джаз для двух Пьеро".

— Однажды ты сказал, что твое амплуа — неврастеник. Что это значит?

— Меня легко обидеть. Если кто-то что-то сказал, и я подумал, что это обо мне, не нахожу себе места. Что-то не получилось, долго переживаю. Я очень быстрый, много суеюсь — это мой недостаток, с которым я пытаюсь бороться. Особенно меня раздражает, когда я подхожу к авторитетному человеку, показываю свою музыку, а он говорит: "Ну, старичок, у тебя все впереди!". Обожаю открытых людей, которые не спекулируют на своем возрасте и опыте.

— Володя, сложно заплакать на сцене?

— Мой мастер говорил, что есть слезы по делу, а есть дешевые актерские слезы. Если ты пришел к этому — заплачешь, а если нет — не нужно ничего из себя выжимать. Даже не касаясь профессии, для меня слезы — это боль.

— В "Облом off" у тебя маленькая роль.

Удалось ли тебе раскрыться в спектакле?

— Мне было сложно после Андрея Попова играть Захара (речь о фильме Н. Михалкова. — К.С.). Очень помогло, когда Миша (режиссер Михаил Угаров. — К.С.) сказал, что Штольц, Захар и Обломов — три друга, просто разных сословий. Захар наивный, немного дебиловатый, где-то агрессивный, он альтер эго Обломова. Сейчас во МХАТе на новой сцене я играю ангела. Там у меня вообще практически нет слов, но мне было интересно существовать без текста, потому что в эту сторону я еще не ходил.

— В некоторых спектаклях ты ругаешься матом. Каково это делать со сцены?

— Легко, но это не самоцель. Главное, чтобы это не стало дешевым трюком.

— В Центре драматургии твои основные партнеры по сцене — ровесники. Не жалеешь о том, что играешь не с мэтрами?

— После ГИТИСа я попал в проект "Борис Годунов" Деклана Доннелана. Я играл маленькие роли, зато познакомился с такими актерами, как Женя Миронов, Игорь Ясулович, Михаил Жигалов, Авангард Леонтьев. Молодому актеру важно попасть в такую команду. У меня был дикий зажим — когда я видел этих театральных мэтров, не знал, как себя вести. Это была хорошая школа. Что касается молодых актеров, то они мне тоже многое дают. У нас хорошие человеческие отношения, поэтому получаются удачные спектакли. Потому что здесь люди работают не за деньги, а за идею.

Владимир Панков

22.04.03